

Байшуйао. Лодка семьи Лу.

Скоро после рассвета встал лишь один человек — Су И. В их семье это было привычным делом: он круглый год жил по такому распорядку, поднимался раньше всех и засыпал последним. Проснувшись, сперва выносил ночной горшок, тщательно его мыл, затем разводил огонь, грел воду, варил завтрак и, кроме того, готовил воду для умывания Лю Ланцао и её детей.

Все эти дела приходилось делать с предельной осторожностью — шаг за шагом, дыша потише, — чтобы не разбудить Лу Юя, который любил понежиться в постели. Стоило его разбудить — и неизменно следовали упреки или язвительные, ядовитые слова.

С тех пор как он попал в дом дяди, вот уже больше десяти лет всё было именно так. Пока дядя был жив, он воспринимал всё это как плату за приют, за кров. После его смерти — из чувства вины, словно не оправдал доверия. К тому же, если он хоть на волос убавлял усилий, тётка сразу срывалась в брань.

Если бы всё ограничивалось только словами, можно было бы терпеть. Но тётка была не из терпеливых: могла и еду урезать. То, что должно было быть полноценной чашкой — становилось половиной чашки, две порции превращались в одну.

А дел у него всегда было невпроворот. Даже на то, чтобы сходить к морю и поискать себе что-то съестное, времени не оставалось. Поэтому приходилось работать всё усерднее, без передышки, лишь бы получить лишний кусок.

Он и раньше не раз пытался противиться, особенно когда тётка становилась откровенно придирчивой. В конце концов, даже у глиняного истукана есть характер, а он — живой человек. Но стоило ей произнести: «Если бы твой дядя не решил тебя приютить, он, может, и по сей день был бы жив», — как эти слова опускались на него, будто невидимая пощёчина, и все возражения, уже поднявшиеся в груди, оседали обратно внутрь.

Если разобраться, он давно уже вынужден был привыкнуть ко всему этому. Но сегодня — сегодня он и вправду едва держался.

Всё началось с той ночи, когда налетел ветер — тогда Лю Ланцао выгнала спать к самой двери, чтобы он своим телом заслонял от сквозняка тех, кто лежал внутри. Сначала поднялся сильный ветер, а потом пошёл дождь — струи попадали внутрь, ветер стал ещё пронзительнее, и он промерз до самых костей.

В шестом лунном месяце на лодке спать и так душно, укрытый у него не было вовсе. Когда они переселились в каменный дом на горе, Лю Ланцао, чтобы в холодную ночь не простудились Лу Юй и её младший сын Лу Фэн, подготовила для них постели — про Су И, разумеется, никто и не подумал.

После такого ночлега он уже на следующее утро слёг: поднялась температура, тело ломило,

всё, что ел, тут же выходило обратно. Хотя и есть-то особенно нечего было — две чашки рисового отвара, прозрачного настолько, что в нём можно было увидеть отражение лица, одна вяленая солёная рыбёшка и черствый кусок грубой лепёшки.

Лю Ланцао обвинила его в том, что он переводит продукты, да ещё и заявила, что раз уж заболел, то и надо поголодать — мол, так быстрее поправится. На следующий день она вовсе не дала ему еды, велела лежать в углу дома. Только после того, как кто-то вскользь заметил, что если болезнь и вправду разыграется всерьёз — умрёт он, и принесёт дому беду, — Лю Ланцао нехотя сварила ему отвар из диких трав, собранных в горах. Отвар был такой горький, что язык сводило. Но выпив его, Су И весь покрылся липким холодным потом, и к ночи жар действительно спал.

Когда тело перестало так сильно гореть, Су И решил, что пережил самую тяжёлую часть болезни. Кто бы мог подумать, что, несмотря на всё, недуг так легко не отпустит. Проснувшись сегодня, он сразу понял — болезнь ещё крепко держит: в голове шумело, ноги будто налились свинцом, по телу разливался холод, хотя лоб почти не был горячим, да и дышать было трудно — казалось, даже выдохи обжигают изнутри.

Он чувствовал слабость, руки-ноги не слушались, и, пошатываясь, он случайно задел ногой деревянный таз — тот с грохотом покатился по полу. От звука проснулся Лу Юй и теперь недовольно ворчал, ворочаясь на постели.

Его голос поднял и Лу Фэна — тот был младше, спал чутко, а потому, не выспавшись, тут же начал капризничать. Вся эта суматоха довела Лю Ланцао: она выскочила из каюты и с накипевшей яростью набросилась на Су И:

— С самого утра грохочешь, как будто на показ! Или, может, отлежал себе кости в доме и теперь разучился работать? Если не хочешь трудиться — катись ко всем чертям, как будто мне в радость такого бездельника кормить, перестарка, которому и пристроиться некуда!

Не сдержавшись, она попросту выгнала его, велев не подходить и заявив, что завтрак ему сегодня не нужно готовить. Су И сразу понял, что это значит — его просто лишили еды. Но, глядя на тётку, кипящую от раздражения, и на язвительных кузенов в тесной каюте, он сам был бы рад уйти подальше.

А что до еды — скорее всего, и так ничего путного не досталось бы: водянистая похлёбка с запахом риса, обглоданные рыбы головы и хвосты, оставшиеся после других. Лучше уже пойти на берег, в мангровые заросли, что обнажились после отлива, — если повезёт, можно будет найти птичьи яйца и поджарить.

— Тогда я пойду ловить креветок, — тихо сказал Су И.

Он умел делать креветочную пасту — рецепт придумал сам, как-то выверил, вымучил, никто уж не знал, как именно, но вкус у его пасты заметно отличался от прочих. В деревне она хорошо продавалась, покупатели шли охотно. Вот только деньги, вырученные с продажи, у него почти не оставались: девять из десяти монет неизменно забирала себе Лю Ланцао — якобы на приданое для племянника. Все понимали, что на деле это просто предлог.

Из-за того, что она давно положила глаз на доход с креветочной пасты, стоило Су И сказать, что идёт ловить креветок, как её нрав становился поспокойнее — не досаждала лишними упрёками, не торопилась выяснять, сколько он пробудет вне дома. Так было и на этот раз. Лю Ланцао не ответила ни слова, что означало молчаливое согласие. Су И взял креветочную сеть, деревянное ведро и без лишних звуков ушёл.

Шёл вдоль берега, в голове гудело, в животе тянуло болью. Он пожалел, что не успел перехватить хоть пару глотков горячей воды, пока тётка ещё не встала — хоть немного бы прогрелся изнутри. Сейчас, даже если бы перед ним положили свежие устрицы, он бы не смог есть — тошнило бы с первого укуса. Про яйца и говорить нечего: будет ли вообще удача сегодня? Красные мангровые заросли были далеко, отлив нынче не сильный, а без лодки туда не добраться.

И впрямь горько осознавать: в целом огромном Байшуйао, кроме лодки семьи тётки, ему больше некуда податься — даже за простой чашкой горячей воды обратиться не к кому.

Су И криво усмехнулся, с оттенком горькой насмешки над самим собой. Он часто злился на то, что родился гером — будь он мужчиной, пусть даже никому не нужным, всё равно мог бы начать своё дело, построить дом, жить самостоятельно. А геру, если он хочет отделиться, обрести собственное место в жизни, остаётся только одно — найти мужчину и выйти за него. Только кто согласится взять такого, как он — больного, неприметного, тихого?

В этот миг в ушах у него будто снова прозвучали слова, сказанные в тот день Чжун Мином. Тот мужчина тогда сказал: «Ты не звезда невезения. Ты никому ничего не должен».

Су И, волоча креветочную сеть, брёл вперёд, не замечая, куда ведут его ноги. Мысли кружились в голове, рассыпаясь, унося его далеко, и прежде чем он опомнился, оказался на каменистом пляже у подножия скалы — в одном из уединённых мест, куда редко захаживали деревенские.

Для ловли креветок это место не подходило, зато среди камней часто водились и другие дары моря. Как-то раз он даже находил тут птичьи яйца — в углублениях среди камней у этой самой скалы. Раз уж дошёл досюда, а сил больше не было, возвращаться не хотелось. Он только и мечтал, чтобы присесть где-нибудь на камень и немного перевести дух.

Только собрался решить, куда бы положить мешающую сеть, как вдруг услышал впереди чьи-то шаги.

Он с детства привык избегать людских глаз: если можно было не сталкиваться с жителями

деревни, он всегда предпочитал держаться в стороне — особенно в таком уединённом месте, как это. Потому его первая реакция была мгновенной: он быстро свернул креветочную сеть, прижал её ногой и сам юркнул за скалу, скрывшись за выступами рифа.

Сначала он подумал, что это какой-нибудь усердный деревенский рыбак пришёл рано утром искать мидий, ловить крабов или закинуть удочку. Но когда человек подошёл ближе, Су И, движимый любопытством, выглянул из щели между камнями — и понял, что всё совсем не так.

Мимо проходил Фэн Бао из семьи Фэн — движения у него были какие-то крадущиеся, подозрительные, и в каждой руке он нёс по несколько огромных лобстеров. Те ещё шевелились, свежие, полные мяса — такой товар на деревенском рынке можно продать за один-два ляна серебра за штуку!

Су И был уверен: этот улов Фэн Бао никак не мог добыть сам. И подумал он так не без оснований — уж больно дурная слава тянулась за этим Фэном. Вспомнилось, как совсем недавно Лю Ланцао уговаривала Лу Юя, уверяя, будто у Чжун Мина дурная репутация в Байшуйао, но если сравнивать с Фэн Бао, так Чжун Мин вообще почти святой.

Чжун Мин прослыл человеком, не желающим мириться со своим положением человека воды, вечно стремился в деревню, к людям. Кто-то считал, что он ни на что не годен, кто-то — что у него на самом деле есть связи, просто денег в кармане у него вечно нет.

А вот про Фэн Бао не скажешь ничего хорошего вовсе. Как и Чжун Мин, он с детства осиротел, воспитывался бабушкой и жил на подачках от клана. Но, повзрослев, начал заниматься откровенно сомнительными делами: то украдёт, то подворует — и руки у него были совсем нечистые.

Тут у кого-то с верёвки стянет сушёную рыбину, там из сетки вытянет пару креветок — не такие уж и дорогие вещи, но осадок после такого всё равно остаётся. Тяжело на душе, будто на дне что-то скисло. Жаловаться на него старосте — пустое дело. Во-первых, редко кто видел, как он лезет в чужое добро, а во-вторых, у него бабушка — человек непростой. Старшая по возрасту, уважаемая в роду, а её покойный муж был когда-то не просто знакомым старосты, а говорят, даже спас его в море — вытащил, когда тот чуть не утонул.

Если бы не тот человек, староста сгнил бы на дне лет двадцать назад — и что теперь? Разве пойдёшь против долга жизни? Так и выходит: пару слов скажет для приличия — и дело замято. А без воли старосты такую мелкую жалобу в уезд не передашь.

Вот так год за годом Фэн Бао и продолжал — снова и снова, и люди в деревне уже смирились: потеряли что — ну, будто мышам отдали.

Су И провожал его взглядом, нахмурившись. В душе клокотал вопрос: интересно, в этот раз чью добычу стащил этот Фэн?

Попробовал встать — и в глазах сразу потемнело, только ухватившись за выступ камня, устоял на ногах. Переждав, пока шум в ушах улегся, нащупал на лбу холодный пот. Затем схватился за живот — накатила рвота, согнулся и вывернулся на бок, но ничего так и не вышло наружу.

Он подумал о том, что раз Фэн Бао утащил чужих лобстеров, значит, где-то поблизости, скорее всего, действительно есть кто-то, кто ловил. А Су И не хотел встречаться с кем бы то ни было — видеть чью-то неприязнь, прятаться, как вор. Потому и не стал геройствовать: опустился прямо на месте, тяжело сел на камень, уставился в море и погрузился в задумчивость.

За пятнадцать минут до этого.

Чжун Мин выложил лобстеров на берег и сменил место для следующего погружения. Из хорошего — больше не встретил ту самую биссу, из плохого — в этой части рифов лобстеров действительно водилось куда меньше. Теперь стало ясно: появление той черепахи в прежнем месте вовсе не было случайностью — она отлично знала, куда идти за добычей, не зря же так уверенно устроила засаду.

Он провёл под водой ещё какое-то время, в итоге улов оказался не то чтобы выдающимся, но и не худшим: восемь лобстеров и одна большая гирелла с черной чешуей.

На обратном пути он заметил на песчаном дне целую колонию морских гребешков немалых размеров. Тут же опустился вниз и железными граблями стал сгребать их в сетку. Гребешки, потревоженные внезапным вторжением, всплескивали створками и отплывали, напоминая ладони, хлопающие в воду — забавно было на это смотреть.

Чжун Мин вздохнул: жаль, что младший брат слаб здоровьем. Иначе можно было бы понемногу учить его нырять, задерживать дыхание, плавать рядом. Морское дно бескрайнее — куда увлекательнее, чем наблюдать за людьми на суше.

Гребешков было слишком много — на глаз не меньше сотни. Чжун Мин не стал забирать всё подряд, выбрал самых крупных, набрал несколько десятков и на этом остановился: примерно десять штук — это уже около одного цзиня веса. Прикинув в уме: десяток с лишним лобстеров, одна гирелла, мешок отборных гребешков — этого хватит, чтобы выручить несколько лян серебра. Этого должно быть вполне достаточно, чтобы сводить младшего брата на приём к врачу и купить нужные снадобья.

Он чуть не расхохотался прямо в воде от радости. Когда вынырнул, на лице всё ещё играла улыбка. Но стоило ему вернуться на берег и увидеть сетку, в которой кто-то уже покопался, — все лобстеры исчезли, остались только несколько ярко-красных морских звёзд, — как вся эта радость застыла у него на лице.

Он и представить не мог, что и до него когда-нибудь доберётся вор, да ещё такой наглый! Девять лобстеров — даже по самой скромной цене, по одному цяню за штуку, — это девятьсот вэней, а уж те, что покрупнее, и вовсе стоили больше двух цяней каждый. Всё вместе — сумма совсем не маленькая.

Чжун Мин побледнел от злости, молча собрал свежельовленных лобстеров, морские звёзды и гребешки в одну кучу, налил в ведро воды и выпустил туда гиреллу. Затем поспешно оделся. В деревне немногие отважились бы на такое — он знал, что эту историю так не оставит и будет разбираться до конца.

Он был уверен: вор далеко не ушёл. Широкими шагами, с налётом урагана в походке, он уверенно шёл по каменистому пляжу, будто по ровной тропе, взгляд цепко устремлён вперёд, не распыляясь ни на что.

И всё же, краем глаза, в стороне он заметил знакомый силуэт, наполовину скрытый за скалой. Выглядывало худое плечо, одежда — старая, сероватая, уже потемневшая от сырости, на плече — тонкая, светлая косичка. Плечи узкие, фигура хрупкая. Кто же ещё, если не Су И?

— Су И? — позвал он.

Чжун Мин вообще никогда не заговаривал первым с герами и девушками. Но с Су И всё как-то выходило иначе — уже не в первый раз он нарушал это правило. Вспомнил, что давно собирался сказать ему что-то о том котёнке, но теперь, увидев его, просто окликнул по привычке.

Но Су И не ответил.

Что-то в этом было не так. Чжун Мин тут же отбросил мысли о краже, поставил ведро и сетку прямо на месте, шагнул вперёд, чтобы проверить, в чём дело. Один взгляд — и сердце сжалось: лицо у Су И было совсем бледным, он с закрытыми глазами привалился к мокрому камню, будто потерял сознание.

<http://bllate.org/book/13583/1204992>